

П. И. Гайденко

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО МОНАШЕСТВА. ПОЧЕМУ НЕ УДАЁТСЯ ЕЁ НАПИСАТЬ?

**Рецензия на книгу доцента, к.и.н. Е. С. Харина
Быт и нравы древнерусского монашества
XI–XIII вв.: монография. Ижевск:
Изд-во «Удмуртский университет», 2015. 248 с.**

Рецензия представляет монографию о. Георгия, Егора Сергеевича Харина, священника Ижевской епархии и доцента Удмуртского государственного университета. Рассматриваемая в публикации работа посвящена исследованию повседневности древнерусского монашества XI–XIII вв. Новизна проделанного труда заключается в попытке реконструировать и описать основные стороны повседневной жизни русских иноков домонгольской Руси. В процессе написания книги автору удалось привлечь значительный круг источников и исследований, позволяющих в значительной мере воссоздать быт и нравы древнерусского черноризца и иноческой общины, в которой он жил. Основное внимание ученого обращено к мужским монастырям, однако затрагиваются и отдельные аспекты истории первых женских обителей. Кроме этого, рассматриваются различные канонические и литургические стороны внутреннего мира монастырей, а также предприняты усилия по изучению социальной деятельности русского монашества. Работа обладает чертами междисциплинарного исследования и обращена к широкому кругу читателей.

Ключевые слова: Киевская Русь, Древняя Русь, история Русской церкви, древнерусское монашество, история древнерусского монашества, историография Русской церкви, Е. С. Харин.

В 2015 г. в издательстве Удмуртского государственного университета была издана работа ижевского историка, священника Егора Сергеевича Харина, «Быт и нравы древнерусского монашества XI–XIII вв.»... Появление этой книги видится примечательным событием, поскольку факт её публикации во многом отражает не только интересы автора, но и общие тенденции в современной отечественной исторической науке.

Существенная переориентация внимания современных исследователей в сторону истории повседневности едва ли может быть объяснена

Гайденко Павел Иванович – доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии Казанского государственного архитектурно-строительного университета, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Казанского национального исследовательского технологического университета (paul08kaz@rambler.ru).

одной лишь «модой», если о такой вообще можно говорить применительно к научному поиску. Наметившийся разворот интересов вполне оправдан той неудовлетворённостью, которая давно назрела в кругу думающих историков. Вероятно, это произошло от избыточного наследия социально-политической истории и от доминирования её подходов. Впрочем, отмеченное вовсе не означает, что исследования социальных структур и реконструкция политических, экономических и административных моделей функционирования общества канут в прошлое. Напротив, притягательность этих исторических интересов в области политических отношений по-прежнему сильна, способна внушать обаяние и вдохновлять.

Однако пришло понимание того, что далеко не всё можно, а главное, оправданно сводить к социально-политическим процессам. За всеми ними стоят живые люди, связывающие их культура, традиции, повседневные заботы, болезни, нужды, радостные и горестные чувства, бедствия и праздники, семьи, друзья, соседи и многое иное. Весь этот незамечаемый мир рутины и повседневного существования, с одной стороны, в полной мере отражал жизнь людей, а, с другой, — проявлялся в самой этой жизни. Более того, начиная с XV в., он регулярно отмечался и фиксировался в записках заезжих иностранцев. Обычная обусловленность мира людей повседневностью связывала любого человека, его действия мириадами нитей с другими лицами и их поступками, и в итоге формировала не только реальность ежедневного быта, но и действительность социальных отношений и политики.

На этом фоне появление в последние годы целого пласта исследований по истории повседневности в Древней Руси совершенно оправданно и закономерно. Однако при анализе литературы приходится признать, что, как и более века назад, история повседневности применительно к иерархическим институтам церковной организации на Руси ещё только находится вначале своего формирования и накопления материала. Уже в силу этого каждая новая работа в рассматриваемой области ценна и уже одним фактом своего появления способна обратить внимание читающей публики к автору и его идеям. Так что уже только по одной этой причине, «первородству» своего появления, книга священника Егора (Георгия) Сергеевича Харина представляет несомненный интерес.

В основе монографии лежат материалы и текст кандидатской диссертации уважаемого автора¹. Что же касается структуры монографии,

¹ Харин Е. С. Древнерусское монашество в XI–XIII вв.: быт и нравы: дисс. к.и.н. Ижевск, 2007. 185 с.

то она почти полностью повторяет структуру квалификационной работы, правда, приспособленную к форме монографии. По сути, исследователь, прибегая, главным образом, к возможностям компаративистики, попытался воссоздать жизнь древнерусской обители (XI–XIII вв.) и древнерусского монашества как такового.

Тем не менее, знакомство с текстом вызывает некоторые недоумения и вопросы. Практически все они обусловлены тремя основными обстоятельствами. Во-первых, идеализацией монашества и уходом от проблемных сторон жизни иночества. Во-вторых, ограниченностью привлечённых источников и в какой-то мере потребительским отношением к ним. Наконец, в-третьих, практически полным игнорированием современной историографии. Создаётся впечатление, что автор либо не знаком, либо осознанно не привлёк современные исследования в области изучения Русской церкви и древнерусского монашества. Пожалуй, наиболее наглядным примером возникших последствий может считаться уверенность автора в том, что им впервые реконструирован обряд монашеского пострига². Очевидно, что автор оказался совершенно не знаком с работами А. М. Пентковского и опубликованным им Студийским уставом, довольно подробно регламентировавшим все нюансы иноческой жизни, в том числе постриг³. Не менее подробно обряд монашеского пострига в различных традициях описан, в том числе и в источниках, приведённых в IV томе объёмного труда Михаила Арранца по истории византийской литургики⁴. Оба исследования изданы в России задолго до публикации монографии Егора Сергеевича и за несколько лет до защиты его кандидатской. Поэтому ни о какой новизне говорить не приходится. Она существует исключительно в сознании самого автора, а описанный им постриг есть ни что иное, как интерпретация пострига, описанного в Большом или Великом требнике, используемом в современной церкви при совершении иноческих постригов⁵.

Для того, чтобы максимально адекватно оценить рассматриваемое исследование, обратимся к структуре работы и последуем её логике. Она традиционна и одновременно позволяет выделить ключевые моменты

² См. текст аннотации к книге.

³ Пентковский А. М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001. 420 с.

⁴ Арранц М. Избранные сочинения по литургики. В 5 т.: Т. 4: Византийский монашеский постриг. Исторический опыт. М., 2003. Т. 4. 307 с.

⁵ Требник. СПб., 1884. 310 л.

иноческого быта. Вероятно, за основу были взяты структуры работ Лео Мулена⁶ и Елены Романенко⁷.

Объём рецензионной статьи не позволяет детально проанализировать весть текст монографии. Поэтому наиболее целесообразным видится проанализировать несколько наиболее показательных фрагментов книги.

Историография

Свой историографический обзор Е. С. Харин представил во вполне традиционной форме, предложив рассмотреть историю изучения древнерусского монашества в контексте трёх основных периодов: дореволюционного, советского и современного. Однако, если сопоставить то, как эти этапы рассмотрены, то вполне очевидным видится их неравномерность. Наиболее подробно описаны процессы XIX — начала XX вв. В это же самое время работы советского, а особенно современного этапов, представлены более формально и обще. Даже работа Б. А. Романова оценена автором предельно критично, поскольку, по мнению современного историка, петербургский профессор не учёл литургических аспектов жизни монашества. Однако таковые и не ставились выдающимся русским историком в качестве основного предмета его исследования. Внимание Б. А. Романова всецело было уделено тому, что Е. С. Харин связал с антропологическим подходом.

Как уже отмечалось, крайне досадным и неприятным недостатком работы видится почти полный отказ автора от рассмотрения современных исследований. Создаётся впечатление, что автор их либо не знает, либо вполне осознанно не замечает. В итоге из современных авторов, которые так или иначе рассматривали историю иноческих институтов или отдельных персоналий, оказались незамеченными: большая часть статей и монографических работ А. В. Назаренко, В. В. Милькова, Р. А. Симонова, А. В. Майорова, Ф. Б. Успенского, Т. Ю. Фоминой и многих иных⁸.

⁶ Мулен Л. Жизнь средневековых монахов Западной Европы. X–XV века. М., 2002. 348 с.

⁷ Романенко Е. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М., 2002. 330 с.

⁸ Назаренко А. В. Анна († 1018?) // Православная Энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 452–453 [далее — ПЭ]; Он же. Антоний Римлянин († 1147) // ПЭ. М., 2001. Т. 2. С. 675–676; Он же. Евпраксия (Адельгейда) Всеволодовна // ПЭ. М., 2008. Т. 17. С. 194–195; Симонов Р. А. Кирик Новгородец — русский учёный XII века в отечественной книжной культуре. М., 2013. 396 с.; Мильков В. В. Первый ученый Руси: жизнь, творчество, идейное своеобразие воззрений. К 900-летию Кирика Новгородца // Россия XXI. 2010. № 6. С. 90–123; Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец: учёный и мыслитель / Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VII. М., 2011. 544 с.; Майоров А. В. Дочь

Фактически никак не затронут пласт историко-юридических исследований Э. В. Георгиевского, Ю. В. Оспенникова и других авторов⁹. Практически не были приняты во внимание диссертации последних лет. Что же касается исследований украинских и белорусских коллег, то об их существовании практически не сказано ни слова. Создаётся впечатление, что к моменту завершения монографии никто, кроме о. Георгия, о монашестве и его повседневности не писал. Но это совершенно не так. Для этого достаточно обратиться только к истории изучения преп. Кирика Новгородца, Варлаама Хутынского и целого ряда новгородских монастырей¹⁰. Более того, практически не приняты во внимание историографические работы последних лет, например, Н. И. Солнцева¹¹ и иных. Результатом

византийского императора Исаака II в Галицко-Волинской Руси: княгиня и монахиня // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2010. № 1 (39). С. 76–106; *Он же*. Ефросиния Галицкая дочка візантійського імператора в Галицко-Волинській Русі: княгиня і черниця. Біла Церква, 2013. 224 с.; *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Насильственный постриг княжеской семьи в Киеве: От интерпретации обстоятельств к реконструкции причин // Средневековая Русь. Вып. 10. К 1150-летию зарождения российской государственности / отв. ред. А. А. Горский. М., 2012. С. 135–169; *Фомина Т. Ю.* Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие. М., 2014. 360 с. и другие издания.

⁹ *Георгиевский Э. В.* Уголовно-правовая юрисдикция Русской Православной Церкви. Иркутск, 2007. 259 с.; *Он же*. Религиозные основания уголовно-правовых запретов: от архаического политеизма к русскому православию. М., 2014. 336 с.; *Он же*. Система и виды преступлений в уголовном праве Древней Руси. М., 2013. 232 с.; *Он же*. Формирование и развитие общих положений древнерусского уголовного права. М., 2013. 320 с.; *Оспенников Ю. В.* Правовая традиция Северо-западной Руси XII–XV вв. М., 2011. 408 с.; *Максимович К. А.* Законодательство императора Юстиниана I о монашестве (часть 1): новеллы V и LXXIX // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: серия I. Богословие. Философия. 2007. Вып. 4 (20). С. 38–51; *Он же*. Заповеди святых отец: Латинский пенитенциал VIII в. в церковнославянском переводе: Исследование и текст. М., 2008. 208 с.; *Он же*. Новелла СХХIII св. императора Юстиниана I (527–565 гг.) «О различных церковных вопросах» (перевод и комментарий) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: серия I: Богословие. Философия. 2007. Вып. 3 (19). С. 22–54; *Он же*. Право и церковь [Византийская империя] // ПЭ. М., 2004. Т. 8. С. 181–192; *Морозов М. А.* Императорское ктиторовство при Комнинах и Российские традиции // Труды кафедры истории России с древнейших времён до XX в. / отв. ред. Д. Ю. Дворниченко. СПб., 2006. С. 362–375; *Он же*. Монастыри средневековой Византии: Хозяйство, социальный и правовой статус. СПб., 2005. 174 с. и другие исследования.

¹⁰ *Гордиенко Э. А.* Варлаам Хутынский и архиепископ Антоний в житии и мистериях XII–XVI вв. СПб., 2010. 640 с.; *Секретарь Л. А.* Монастыри Великого Новгорода и окрестностей. М., 2011. 656 с. и др.

¹¹ *Солнцева Н. И.* Провиденциальная историческая концепция в трудах русских историков-клириков XVIII–XIX вв. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2005. 200 с. и др.

этого стало то, что многие аспекты истории древнерусского монашества оказались священником Егором Сергеевичем Хариным не осмыслены и не замечены.

В равной мере эти же слова необходимо отнести к степени изученности и привлечения к работе источников. Увлёкшись проведением параллелей между древнерусским монашеством и аскетическими движениями древности, автор практически не осмыслил то, как иночество отражено в источниках, не проследил эволюцию этих памятников, их содержание и степень их возможного привлечения к работе. Между тем, анализ именно самих древнерусских и византийских источников смог бы в значительной мере выявить многие специфические стороны жизни русских обитателей и монашества как такового.

Некоторые суждения автора о монастырском быте

Представленная глава — основная. Однако, любой разговор о древнерусском монастыре нуждается в уточнении того, что следует понимать под таковым. Именно с этого начинал специальные главы своего обширного исследования Е. Е. Голубинский. Казалось бы, автор книги также должен был бы задать вопросы, без которых дальнейшее повествование превратится в банальное перечисление того, что уже хорошо известно из назидательных идиллических рассказов и церковных учебников. Что есть монашество и монастырь? В каких формах они существовали? Как эти формы изменялись, и чем они были обусловлены? Собственно, допустимо ли древнерусское монашество сводить к монастырю?

Преподобный Антоний Великий, говоря о том, что инок умирает вне стен монастыря, понимал вовсе не общину черноризцев, а место проживания и внутренних подвигов калугера. И древнерусское монашество, родоначальники которого, преподобные Антоний Печерский и Антоний Римлянин, носили имя великого подвижника, было во многом построено усилиями странствующих иноков. Однако вместо этого в книге монастырь сводится исключительно к традиционному пониманию, что ясно выражено уже в первых словах главы: «Чтобы человеку было, куда прийти из мира, должен, прежде всего, быть сам монастырь»¹². В итоге, феномен странствующих иноков даже не замечен. Такое упрощённое понимание монашества характерно и для следующих параграфов монографии.

¹² Харин Е. С. Быт и нравы древнерусского монашества XI–XIII вв.: монография. Ижевск, 2015. С. 98.

Так, говоря о выборе места для устройства монастыря, автор, во-первых, вполне резонно связывает основание обителей с желанием ктиторов и близостью города, во-вторых, с феноменом чудесного указания. Если с первым тезисом отчасти можно согласиться, хотя выбор места обители, как это показывает исследование В. И. Ульяновского истории Выдубицкого монастыря, могло определяться и иными, не менее значимыми целями и мотивами¹³, то второй тезис не может оставить читателя равнодушным. Обосновывая своё мнение, историк противопоставляет древнерусскую и греческую традиции. Если в Византии, как считает Егор Сергеевич, место монастыря освящалось трудами подвижников-основателей, а чудесные указания представляли собой исключительные явления, то на Руси всё было иначе. Здесь фактор чуда имел определяющее значение. В качестве доказательства о. Георгий приводит Печерское сказание об обстоятельствах закладки Успенского собора Печерского монастыря¹⁴. Тем не менее, при детальном разборе этой части монографии возникают возражения.

Во-первых, к моменту закладки Успенского собора монастырь уже существовал более двух десятков лет (1078)¹⁵. Более того, в патериковых сказаниях нет и намёка на то, чтобы выбор места обители Антония определился чудесными знамениями. Напротив, подчёркивается всё та же близость к Берестову, княжескому замку, уединённость, труд и аскетический подвиг (1051)¹⁶. Чудесное явление росы, о котором сообщает патерик, касалось храма. Во-вторых, примеры «небесного указания» места будущего монашеского подвига в истории русского иночества домонгольского времени также единичны. Пожалуй, единственный подобный пример — определение места остановки и подвига Антония Римлянина¹⁷. Все остальные обители возникали либо ктиторским попечением, либо «слезами и молитвами»¹⁸. Последнее не исключало опеки состоятельных

¹³ Ульяновский В. И. Чудо-Михайловский монастырь в Киеве: проблема посвящения, символики и статуса // *Rossica antiqua*. СПб., 2011. Вып. 2. С. 43–101.

¹⁴ Харин Е. С. Быт и нравы древнерусского монашества XI–XIII вв... С. 98–100.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 189.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 143–149; Киево-Печерский Патерик // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 4: XII век / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб., 2004. С. 316–323.

¹⁷ Сказание о житии преподобного Антония Римлянина // Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / подг. текстов и исслед. Н. В. Рамазановой. СПб., 2005. С. 252–253.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 147–148.

благодетелей. Что же касается сюжета чудесного указания на место будущей обители, то его утверждение в русской агиографии произошло только в XV–XVII вв.¹⁹

Судя по всему, автора монографии привлекают мистические стороны монашеского существования. Так, четырёхугольную форму обители он связывает с образом Небесного Иерусалима, символическим изображением Вселенной и т. д.²⁰ Однако при этом, обращаясь к опыту палестинских монастырей, о. Георгий практически никак не принял во внимание тот факт, что уставы и четырёхугольная форма укреплений первых общежительных обителей Палестины и Сирии заимствовались Пахомием Великим от местных земледельческих практик и римского военного лагеря, обеспечивая подвижникам защиту от пустыни, максимальную безопасность от разбойников и одновременно способность игумена поддерживать порядок и дисциплину в кругу собиравшейся вокруг него многочисленной братии²¹. К тому же не учитывается и то, что организация монастырей в Византии (Сирии, в Малой Азии, на Балканах) уже со времён Юстиниана постоянно подвергалась государственному вмешательству²². Даже минимальное уделение внимания данной проблеме позволило бы автору увидеть значительно больше. Наконец, обращаясь к духовным образам, являемым нашим «духовным очам», следует различать выстраиваемые человеческими сообществами символические сооружения и создаваемые символические предметы от того, как наше сознание наполняет символическим содержанием окружающую нас действительность.

¹⁹ Рыжова Е. А. Мотив выбора места основания монастыря в русской агиографии // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2009. Т. 63. № 1–2. С. 91–101.

²⁰ Харин Е. С. Быт и нравы древнерусского монашества XI–XIII вв... С. 100.

²¹ Хосроев А. Л. Пахомий Великий (из ранней истории общежительного монашества в Египте) / Российская академия наук, Институт востоковедения Санкт-Петербургский филиал. СПб., 2004. С. 87–88.

²² См. подробнее: *Patrich J. Sabas, Leader of Palestinian Monasticism: A Comparative Study in Eastern Monasticism, Fourth to Seventh Centuries.* Wash., 1995. 436 p.; *Sterk A. Renouncing the World Yet Leading the Church: The Monk-Bishop in Late Antiquity.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. 368 p.; *Морозов М. А.* Монастыри средневековой Византии: Хозяйство, социальный и правовой статусы...; *Хосроев А. Л.* Пахомий Великий (из ранней истории общежительного монашества в Египте)... С. 8–119; *Курбанов А. В.* Устройство палестинского монастыря и законодательство Юстиниана о монашестве (на примере монастыря аввы Середита) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2016. Т. 37. № 1 (222). С. 30–36.

Вызывает масса вопросов и видение автором структуры монастырей. Создаётся устойчивое впечатление, что Егор Сергеевич практически никак не различает внутреннюю, в том числе архитектурную организацию монастырей в зависимости от принципов их организации, целей и времени существования. Единственное существенное различие, которое особо оговаривает ижевский историк, — женское и мужское монашество. Отчасти обозначены ктиторские и самостоятельно живущие монастыри. Однако более глубокой дифференциации для автора книги не существует. Между тем, жизнь пещерных монастырей существенно отличалась от обителей, создававшихся на поверхности. Столь же различными были нравы столичных обителей и монастырей, создававшихся на «периферии»²³. Несомненно, должны были различаться бытовые и административные особенности «независимых» и ктиторских монастырей. Но совпадения существовали и внутри последних. Достаточно заметить, что в отечественной историографии лучше всего изучены княжеские обители²⁴, в то время как типология боярских, городских и иных общин, признававших над собой власть донаторов практически не изучалась.

Сообщения источников позволяют заключить о том, что на протяжении всей исследуемой в монографии эпохи, формы монашеской самоорганизации изменялись. Однако для автора все эти институты статичны. Единственное, что подвержено, по мнению исследователя, изменениям — степень нравственного состояния и религиозной ревности лиц, приходящих в обители. Однако насколько воображаемая автором реальность отражает реконструируемую им историческую действительность, а предложенная им интерпретация соответствует содержанию источников? Он стремится к иному: попытаться создать умилительную картину прошлого, в которой даже зло рассматривается лишь как промыслительное благо. Однако как такое морализаторство согласуется с научным подходом?

Наиболее ярким примером подобного изложения стала предложенная Егором Сергеевичем интерпретация жизни инока-священника

²³ Эти различия проявляются в той независимости, с какой вели себя киевские игумены при аресте Василька и та услужливость, с какой смоленские игумены были готовы угодить своему епископу в суде над Авраамием Смоленским (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 234; Житие Авраамия Смоленского // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 5: XIII век / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 2005. С. 42, 43).

²⁴ Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 131–148; Он же. Монашество на Руси XI–XIII вв. // Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки / [отв. ред. Н. В. Синецкина]; ИРИ РАН. М., 2002. С. 13–24.

Авраамия Смоленского. Можно лишь сожалеть, что в исследовании не учтено достаточно широкой историографии, посвящённой этой яркой личности и разразившегося вокруг неё конфликта²⁵.

Подойдя в своём рассказе к истории суда над Авраамием, о. Георгий пишет: «Суд, в котором участвовали смоленский князь и епископ, обнаружил, что обвинение было клеветой, но для успокоения сумятицы, вызванной клеветниками, епископ отправил Авраамия в монастырь, в котором тот некогда начал свой иноческий путь, запретив ему совершать Божественную Литургию, и, запретив принимать посетителей»²⁶. Предложенная историком интерпретация событий смущает, поскольку по своей сути искажает содержание источника, на который ссылается Егор Сергеевич. Житие недвусмысленно указывает на то, что Авраамий был осуждён, что епископ был не заложником местного духовенства, а одним из виновников несправедливой расправы и дальнейшего наказания строптивого иеромонаха. Авраамия в конечном итоге спас князь, отказавшийся утвердить признанные церковным судом обвинения. Что же касается житийного известия о постигшем города море, то упомянутое агиографом бедствие никак не подтверждается иными источниками и есть ни что иное как агиографический штамп, характерный для данного жанра²⁷. С сожалением приходится признать, что столь свободное обращение Егора Сергеевича с источником упрощает, обедняет и в итоге искажает описываемые им события.

Пожалуй, наиболее подробная часть исследования о. Георгия посвящена описанию монастырской трапезы²⁸. Уже своим названием она вселяет надежды на лучшее. Однако знакомство с текстом разочаровывает и в описанной трапезе, и в её блюдах. Между тем, сообщения древнерусских источников рисуют совершенно иную атмосферу жизни монастырей. Если обратиться к рекомендациям Нифонта Новгородского, перечню желательных блюд (согласно древнейшей русской редакции Студийского Устава) и даже сетованиям Печерских монахов на «скудость» первых лет жизни обители можно сделать вывод, что рацион иноков даже в тяжёлые времена был много лучше того, чем питаются многие наши современники. Более того, монастырская трапеза далеко не всегда предполагала

²⁵ См. подробнее историографию в спец. статье: Назаренко А. В. Авраамий Смоленский // ПЭ. М., 2000. Т. 1. С. 178–179.

²⁶ Харин Е. С. Быт и нравы древнерусского монашества XI–XIII вв... С. 92.

²⁷ Житие Авраамия Смоленского... С. 30–65.

²⁸ Харин Е. С. Быт и нравы древнерусского монашества XI–XIII вв... С. 167–176.

совместное вкушение пищи, а повседневность русской обители не исключала возможности организации монашеских пиров или же посещения таковых застолий и обедов у князя или во время городских торжеств. Не знают древнерусские источники и зазубренных фраз монахов за столом. А уставные рекомендации об оставшихся после еды продуктах или о добавках (Студийский Устав) никак не свидетельствуют о тяжелой аскезе братского существования. Не принято во внимание и то, что трапезные строения отмечены только в истории Печерского и Антония Римлянина монастырей. Более того, история обители Феодосия (Киево-Печерский патерик) приводит немало упоминаний о том, как иноки имели собственный стол. Очевидно, что Егор Сергеевич наложил аскетические подвиги отдельных подвижников на всё монашество. Остаётся лишь сожалеть, что, реконструировав трапезу древнерусского монастыря XI–XIII в. на основании принятого в современной Русской Православной Церкви Московского Патриархата Типикона и исследований М. Скабаллановича²⁹, автор не обратился к главным — древнерусским источникам эпохи.

С сожалением приходится признать, что если быт древнерусских монастырей хоть как-то освещён, то глава, посвящённая быту женских монастырей, по своему содержанию совершенно не отвечает названию, «Особенности быта женских монастырей»³⁰. Подробно расписав основные сведения о времени появления наиболее известных монастырей, о Георгия почти ничего не сообщает об их быте. В какой-то мере в лучшей ситуации оказался Янчин монастырь, с которым связано упоминание В. Н. Татищева об открытии в нём школы для девочек. Однако повторяя вслед за выдающимся историком данное известие, автор совершенно не пробует его сопоставить с сообщением Ипатьевской летописи (1086)³¹. Автор даже не пробует выяснить, о чем идёт речь и можно ли собранную Янкой общину девиц называть «школой». Текст и терминологию Василия Никитича нельзя использовать без учёта времени и философских идей, когда об этом писалось. Но действительно ли нет иных известий о быте женского монастыря. Увы, они есть. Их необходимо искать не только в обряде пострига, но и в епитимейниках XIV–XV вв.³²,

²⁹ Скабалланович М. Толковый Типикон. Объяснительное изложение Типикона с историческим введением. Киев, 1910. 491 с.

³⁰ Харин Е. С. Быт и нравы древнерусского монашества XI–XIII вв... С. 201–204.

³¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 197.

³² Алмазов А. И. Тайная исповедь в Православной Восточной Церкви: Опыт внешней истории: Исследование преимущественно по рукописям. В 3 т. Одесса, 1894. Т. 3. С. 209–296.

в статьях канонических ответов митрополитов Георгия и Иоанна³³, в житии Евфросинии Полоцкой³⁴, в «Вопрошании Кирика», в кратких известиях берестяных грамот Новгорода, в косвенных намёках и недосказанностях летописей, наконец, в реалиях Византийских женских обителей.

Пожалуй, наиболее удачная часть монографии Егора Сергеевича — заключительная часть книги «Монастырь и мир». Даже при том, что автор старательно избежал освещения неоднозначных сторон общения монашествующих с мирянами, городским духовенством, епископатом и княжеской властью, основное содержание главы в целом представляет интерес и отличается хорошо продуманной системностью. Между тем, некоторые суждения автора не вполне обоснованы и смущают тем, что противоречат источникам. Как видится, наиболее яркий пример этого — оценка, какую дал о. Георгий отношениям новгородского епископа Нифонта и Печерского монастыря. Объясняя арест и новгородского архиерея и его размещение в стенах прославленной обители, Егор Сергеевич пишет: «Почему Нифонт был заключен в Печерском монастыре, а не, скажем, в том же Михайловском, для Изяслава родовом монастыре? Возможно, что деятельность Изяслава Мстиславича, направленная на выход русской Церкви из-под эгиды патриарха, была поддержана игуменом и иноками Печерского монастыря. Вот почему ярый противник этого, Нифонт был заключен в стенах обители, где он не мог бы найти поддержки. В данном случае монастырь и князь выступают союзниками в достижении одной цели»³⁵.

Высказанная гипотеза имела бы право на жизнь, если бы ни несколько возражений. Во-первых, исследователь совершенно не принял во внимание то обстоятельство, что Нифонт был постриженником обители³⁶. Во-вторых, его арест обладал чертами почетной изоляции. Печерский патерик ясно указывает на бессилие митрополита Климента хоть

³³ Неведомы(х) словесъ . изложено Георгиемъ . митрополито(м) Киевскимъ . Герману игомену въпрашающу . оному поведающу // Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем. М., 2004. Вып. 11. С. 233–255; Канонические ответы митрополита Иоанна II // Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники канонического права: Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1880. Стб. 1–20.

³⁴ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. В 3 т.: Т. 1: Житие св. княгини Ольги. Степени I–X / отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. М., 2007. С. 433–447.

³⁵ Харин Е. С. Быт и нравы древнерусского монашества XI–XIII вв... С. 226.

³⁶ Киево-Печерский Патерик... С. 360, 361.

как-то повлиять на строптивного святителя. К тому же текст патерикового повествования недвусмысленно указывает на то, что в глазах местного монашества непреклонный Нифонт выглядел едва ли не героем. В-третьих, помещение в монастырь совершенно не помешало арестованному архиастырю вступить в какие-то отношения с патриархом, на что указывает возведение новгородского владыки в сан архиепископа³⁷.

К сожалению, работа Егора Сергеевича изобилует подобными суждениями. Даже при том, что автору в целом удалось создать логически завершённое произведение, оно лишено одного важного качества, какое обычно ожидают от научной монографии — проблемности. Автор не задаёт самый главный вопрос историка, обращённый к источнику: «Почему?». Именно поэтому образ иночества оказался лишённым человеческих качеств, он оказался загнан в угол агиографических штампов и стереотипических представлений выхолощенных церковных учебников синодальной эпохи.

Именно отказ увидеть в монашестве живой, сложный, неоднозначный мир, до сих пор не позволяет нашим исследователям написать историю древнерусского монашества. Упомянутое обстоятельство нередко лишает церковных исследователей и исследователей, тесно связанных с церковной иерархией, возможности прочесть источник иначе, чем это навязывал курс церковной истории XIX в. Непременным следствием подобного состояния дел можно считать обеднение воссоздаваемой картины прошлого и отказ для её главных участников права быть людьми. Всё названное не позволило автору отразить мир древнерусского монашества в его глубине и сложности. Отмеченное обстоятельство лишает проделанный труд той научной смелости, которая требует от ученого, занимающегося прошлым церкви, не только наукообразной структуры повествования, но иных не менее важных качеств: исследовательской честности и подвига.

Остаётся лишь надеяться, что возобновлённая Егором Сергеевичем работа в области церковной истории и истории повседневности русского монашества продолжится.

³⁷ Киево-Печерский Патерик... С. 352–355.

Источники и литература

1. Алмазов А. И. Тайная исповедь в Православной Восточной Церкви: Опыт внешней истории: Исследование преимущественно по рукописям. В 3 т. Одесса, 1894. Т. 3. III, 296, 89, XVII, IV с.
2. Арранц М. Избранные сочинения по литургике. В 5 т.: Т. 4: Византийский монашеский постриг. Исторический опыт. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2003. 307 с.
3. Георгиевский Э. В. Религиозные основания уголовно-правовых запретов: от архаического политеизма к русскому православию. М.: «Юрлитинформ», 2014. 336 с.
4. Георгиевский Э. В. Система и виды преступлений в уголовном праве Древней Руси. М.: «Юрлитинформ», 2013. 232 с.
5. Георгиевский Э. В. Уголовно-правовая юрисдикция Русской Православной Церкви. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2007. 259 с.
6. Георгиевский Э. В. Формирование и развитие общих положений древнерусского уголовного права. М.: «Юрлитинформ», 2013. 320 с.
7. Гордиенко Э. А. Варлаам Хутынский и архиепископ Антоний в житии и мистериях XII–XVI вв. СПб.: «Альянс-Архео», 2010. 640 с.
8. Житие Авраамия Смоленского // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 5: XIII век / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. СПб.: «Наука», 2005. С. 30–65, 456–459.
9. Канонические ответы митрополита Иоанна II // Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники канонического права: Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1880. Стб. 1–20.
10. Киево-Печерский Патерик // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 4: XII век / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. СПб.: «Наука», 2004. С. 296–489, 641–667.
11. Курбанов А. В. Устройство палестинского монастыря и законодательство Юстиниана о монашестве (на примере монастыря аввы Середита) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2016. Т. 37. № 1 (222). С. 30–36.
12. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Насильственный постриг княжеской семьи в Киеве: От интерпретации обстоятельств к реконструкции причин // Средневековая Русь. Вып. 10. К 1150-летию зарождения российской государственности / отв. ред. А. А. Горский. М.: «Индрик», 2012. С. 135–169.
13. Майоров А. В. Дочь византийского императора Исаака II в Галицко-Волинской Руси: княгиня и монахиня // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2010. № 1 (39). С. 76–106.
14. Майоров О. В. Ефросинія Галицька дочка візантійського імператора в Галицько-Волинській Русі: княгиня і черниця. Біла Церква: Пшонківський О. В., 2013. 224 с.

15. *Максимович К. А.* Законодательство императора Юстиниана I о монашестве (часть 1): новеллы V и LXXIX // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: серия I. Богословие. Философия. 2007. Вып. 4 (20). С. 38–51.
16. *Максимович К. А.* Заповеди святых отец: Латинский пенитенциал VIII в. в церковнославянском переводе: Исследование и текст. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. 208 с.
17. *Максимович К. А.* Новелла СХХШ св. императора Юстиниана I (527–565 гг.) «О различных церковных вопросах» (перевод и комментарий) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: серия 1: Богословие. Философия. 2007. Вып. 3(19). С. 22–54.
18. *Максимович К. А.* Право и церковь [Византийская империя] // Православная Энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2004. Т. 8. С. 181–192.
19. *Мильков В. В.* Первый ученый Руси: жизнь, творчество, идейное своеобразие воззрений. К 900-летию Кирика Новгородца // Россия XXI. 2010. № 6. С. 90–123.
20. *Мильков В. В., Симонов Р. А.* Кирик Новгородец: учёный и мыслитель / Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VII. М.: Изд-во «Кругъ», 2011. 544 с.
21. *Морозов М. А.* Императорское ктиторовство при Комнинах и Российские традиции // Труды кафедры истории России с древнейших времён до XX в. / отв. ред. Д. Ю. Дворниченко. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 362–375.
22. *Морозов М. А.* Монастыри средневековой Византии: Хозяйство, социальный и правовой статусы. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005. 174 с.
23. *Мулен Л.* Жизнь средневековых монахов Западной Европы. X–XV века. М.: Молодая гвардия; Классик, 2002. 348 с.
24. *Назаренко А. В.* Авраамий Смоленский // Православная Энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2000. Т. 1. С. 178–179.
25. *Назаренко А. В.* Анна († 1018?) // Православная Энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2001. Т. 2. С. 452–453.
26. *Назаренко А. В.* Евпраксия (Адельгейда) Всеволодовна // Православная Энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2008. Т. 17. С. 194–195.
27. *Неведомы(х) словесъ . изложено Георгиемъ . митрополито(м) Киевскимъ . Герману игомену въпрашающу . оному поведающу // Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем. М.: «Индрик», 2004. Вып. 11. С. 233–255.*
28. *Оспенников Ю. В.* Правовая традиция Северо-западной Руси XII–XV вв. М.: «Юрлитинформ», 2011. 408 с.
29. *Пентковский А. М.* Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2001. 420 с.

30. Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: «Языки славянской культуры», 2001. 648 с.
31. Романенко Е. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М.: Молодая гвардия, 2002. 330 с.
32. Рыжова Е. А. Мотив выбора места основания монастыря в русской агиографии // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2009. Т. 63. № 1–2. С. 91–101.
33. Секретарь Л. А. Монастыри Великого Новгорода и окрестностей. М.: «Северный паломник», 2011. 656 с.
34. Симонов Р. А. Кирик Новгородец — русский учёный XII века в отечественной книжной культуре. М.: «Наука», 2013. 396 с.
35. Скабалланович М. Толковый Типикон. Объяснительное изложение Типикона с историческим введением. Киев, 1910. 491 с.
36. Сказание о житии преподобного Антония Римлянина // Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / подг. текстов и исслед. Н. В. Рамазановой. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2005. С. 233–272.
37. Солнцев Н. И. Провиденциальная историческая концепция в трудах русских историков-клириков XVIII–XIX вв. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2005. 200 с.
38. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. В 3 т.: Т. 1: Житие св. княгини Ольги. Степени I–X / отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. М.: «Языки славянских культур», 2007. 598 с.
39. Требник. СПб., 1884. 310 л.
40. Ульяновский В. И. Чудо-Михайловский монастырь в Киеве: проблема посвящения, символики и статуса // *Rossica antiqua*. СПб., 2011. Вып. 2. С. 43–101.
41. Фомина Т. Ю. Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие. М.: «Университетская книга», 2014. 360 с.
42. Харин Е. С. Быт и нравы древнерусского монашества XI–XIII вв.: монография. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2015. 248 с.
43. Харин Е. С. Древнерусское монашество в XI–XIII вв.: быт и нравы: Дисс. к.и.н. Ижевск: Удм. гос. ун-т, 2007. 185 с.
44. Хосроев А. Л. Пахомий Великий (из ранней истории общежительного монашества в Египте) / Российская академия наук, Институт востоковедения Санкт-Петербургский филиал. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН; «Нестор-История», 2004. 508 с.
45. Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М.: «Наука», 1989. 232 с.
46. Щапов Я. Н. Монашество на Руси XI–XIII вв. // Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки / [отв. ред. Н. В. Сеницына]; ИРИ РАН. М.: «Наука», 2002. С. 13–24.

47. *Patrich J. Sabas, Leader of Palestinian Monasticism: A Comparative Study in Eastern Monasticism, Fourth to Seventh Centuries.* Wash.: Harvard University Press, 1995. 436 p.

48. *Sterk A. Renouncing the World Yet Leading the Church: The Monk-Bishop in Late Antiquity.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. 368 p.

***Pavel Gaidenko. Why is it Not Possible to Write the History of Medieval Russian Monasticism? A Review of Ye. Kharin, Byt i Nrvy Drevnerusskogo Monashestva XI–XIII vv. (The Lifestyle and Customs of Medieval Russian Monastics in the 11th–13th centuries).* Izhevsk: Udmurt University Press, 2015. 248 pp.**

This is a review of the monograph by Fr. Georgy (Yegor Sergeyevich Kharin), a priest of the Izhevsk Diocese and Associate Professor at Udmurt State University. The work being reviewed is devoted studying the everyday life of medieval Russian monasticism in the 11th–13th centuries. Its novelty is in its attempt to reconstruct and describe the main aspects of the everyday life of monks in pre-Mongol invasion Russia. The author has been able to draw on a significant number of sources and studies, which has allowed him to be able to reconstruct, to a great extent, the customs and lifestyle of monks and the communities in which they lived. The author's attention is mostly focused on male monastic communities, but he touches briefly also upon life in some female convents. Some aspects of the canonical and liturgical life of monasteries are also described, and an attempt is made to study the social ministry of Russian monasteries. The work is inter-disciplinary in character and will be of interest to a wide audience.

Keywords: Kievan Rus, medieval Russia, history of the Russian Church, medieval Russian monasticism, history of medieval Russian monasticism, historiography of the Russian Church, Yegor Kharin.

Pavel Ivanovich Gaidenko – Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor at the Department of History and Philosophy at Kazan State University of Architecture and Construction, Professor at the Department of the Humanities of Kazan National Technical Research University (paul08kaz@rambler.ru).